Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Боярская Т. Ю. Очерк П. Мериме «Николай Гоголь»: интерпретация как самовыражение / Т. Ю. Боярская // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 183—201. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-183-201.

Boyarskaya, T. Yu. (2021). P. Merime's Essay "Nikolai Gogol". *Nauchnyi dialog*, 5: 183-201. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-183-201. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-183-201

Очерк П. Мериме «Николай Гоголь»: интерпретация как самовыражение

Боярская Татьяна Юрьевна

orcid.org/0000-0002-9789-4308

кандидат филологических наук, доцент
кафедра французского языка
boyard05@gmail.com

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

P. Merime's Essay "Nikolai Gogol": Interpretation as Self-Expression

Tatiana Yu. Boyarskaya

orcid.org/0000-0002-9789-4308

PhD in Philology, Associate Professor
Department of French
boyard05@gmail.com

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

© Боярская Т. Ю., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается очерк П. Мериме «Николай Гоголь», в котором автор представил русского литератора как подражателя европейским образцам, сатирика, сосредоточившегося на изображении изъянов российского быта, писателя, пренебрегающего правдоподобием общей композиции. Автор настоящей статьи показывает, что подобный поверхностный и предвзятый подход к гоголевским текстам вызвал негодование среди российских журналистов обеих столиц XIX века и продолжает подвергаться критике отечественных и французских литературоведов. Представлены результаты сопоставительного анализа очерка «Николай Гоголь» с отзывами франкоязычных журналистов, писавших об авторе «Ревизора» и «Мертвых душ» в парижских журналах 1840-х годов. Поднимается вопрос о том, что мотивы, побудившие Мериме обратиться к творчеству Гоголя, и причины предвзятости в отношении его творчества до сих пор остаются нераскрытыми. Новизна исследования видится в том, что очерк Мериме впервые рассматривается в качестве комментария к устойчивой эстетической позиции французского писателя, диссонирующей с поэтикой романтизма и реализма. Автор останавливается на изучении ряда художественных приемов произведений Мериме 1820—1840-х годов и его жанровых предпочтениях 1850-х годов.

Ключевые слова:

П. Мериме; Н. В. Гоголь; рецепция; интерпретация; эссе.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

P. Merimee's essay "Nikolai Gogol", in which the author presented the Russian writer as an imitator of European models, a satirist who focused on portraying the flaws of Russian life, a writer who neglects the plausibility of the overall composition is considered in the article. The author of this article shows that such a superficial and biased approach to Gogol's texts aroused indignation among Russian journalists in both 19th century capitals and continues to be criticized by Russian and French literary critics. The results of a comparative analysis of the essay "Nikolai Gogol" with reviews of French-speaking journalists who wrote about the author of "The Inspector General" and "Dead Souls" in Parisian magazines of the 1840s are presented in the article. The question is raised that the motives that prompted Merimee to turn to the work of Gogol, and the reasons for the bias in relation to his work are still unrevealed. The novelty of the research is seen in the fact that the essay by Mérimée is for the first time considered as a commentary on the stable aesthetic position of the French writer, discordant with the poetics of romanticism and realism. The author dwells on the study of a number of artistic devices of the works of Merimee in the 1820—1840s and his genre preferences in the 1850s.

Key words:

P. Merimee; N. V. Gogol; reception; interpretation; essay.

Очерк П. Мериме «Николай Гоголь»: интерпретация как самовыражение

© Боярская Т. Ю., 2021

1. Введение

В авторитетном парижском журнале «Revue des Deux Mondes» от 15 ноября 1851 года появляется очерк Проспера Мериме «Русская литература: Николай Гоголь. “Русские повести” — “Мертвые души” — “Ревизор”». Данная публикация уникальна по нескольким причинам.

Во-первых, она открывает цикл эссе, посвященный русским литераторам: Н. В. Гоголю, И. С. Тургеневу и А. С. Пушкину, — в котором, излагая суждения о литературном процессе России, Мериме раскрывает свою эстетическую позицию, диссонирующую как с романтизмом, так и с реализмом. В этом отношении данный цикл представляет для литературоведов немалый исследовательский интерес, учитывая, что, начиная с середины 1840-х и до начала 1860-х годов, писатель сосредоточился главным образом на составлении исторических эссе и фактически отказался от написания прославивших его новелл.

Во-вторых, статья Мериме о Гоголе вызвала широкий резонанс в литературных журналах Санкт-Петербурга и Москвы в 1850-х годах. И наконец, очерк «Николай Гоголь» оказался единственной статьей «русского» цикла, не включенной Мериме в список своих трудов. Не случайно данное литературно-критическое эссе не перестает привлекать внимание литературоведов.

Так, А. Д. Михайлов, один из самых известных исследователей творчества французского писателя, в посвященном Гоголю разделе статьи «Проспер Мериме и русская литература» сообщает об оживленной полемике, вызванной в России 1850-х годов очерком «Николай Гоголь» и сделавшей французского писателя невольным участником ожесточенной борьбы русских литераторов за выбор дальнейшего пути развития отечественной словесности [Михайлов, 2003, с. 5—8].

За публикацией А. Д. Михайлова последовали интересные, разносторонние работы ученых Украины и России. М. Я. Саррина сосредоточилась на рассмотрении статьи Мериме о Гоголе как предмете полемики в журналистских кругах России [Саррина, 2008, с. 67—69]. Сделав акцент на знакомстве французского писателя с произведениями Пушкина и его собственном представлении о литературном творчестве, В. И. Мацапу-

ра увидела основное значение статьи в суждении о Гоголе, высказанном Мериме как современником русского литератора и представителем другой культуры [Мацапура, 2016, с. 3—11]. А. М. Завгородний выдвинул предположение о том, что на понимании Мериме «Мертвых душ» сказалось несовпадение во взглядах на использование художественных средств [Завгородний, 2016, с. 26—34].

К этим исследованиям стоит присоединить и работу Т. Н. Гончаровой о деятельности французских писателей и публицистов первой половины XIX столетия, направленную на преодоление мифа об отсутствии у русских национальной литературы, в которой автор статьи подчеркивает авторитет Мериме как популяризатора русской словесности [Гончарова, 2016].

Между тем ряд вопросов, как представляется, требует дополнительного разъяснения. Прежде всего, непонятны причины предубеждения Мериме в отношении автора «Ревизора», представленного им в качестве подражателя европейским образцам, что резко отличает очерк «Николай Гоголь» от его последующих доброжелательных статей о И. С. Тургеневе (1854, 1868) и А. С. Пушкине (1868).

Нераскрытыми остаются мотивы, побудившие Мериме заняться изучением творчества Гоголя, в то время как после публикации своего перевода «Пиковой дамы» (1849) он планировал написать статью о Пушкине.

За рамками исследовательских интересов остается и сопоставление очерка Мериме со статьями франкоязычных журналистов, писавших о Гоголе в 1840-х годах, без чего вклад писателя в ознакомление французов с творчеством автора «Мертвых душ» не обрел должной рельефности.

И наконец, до сих пор не проведен анализ суждений Мериме в отношении поэтики Гоголя, позволяющий рассматривать их в качестве комментария к его собственным произведениям.

Освещение обозначенных проблем позволит рассмотреть в новом ракурсе восприятие Мериме творчества Гоголя и раскрыть стилистическое своеобразие повести «Кармен» как самого известного произведения писателя, чей метод не вписывается в эстетические системы романтизма и реализма.

2. Отзывы Мериме о современных ему писателях

Говоря о Мериме как об авторе критических эссе, стоит сразу уточнить: он никогда не позиционировал себя литературным критиком. В отличие от Сент-Бева, для которого составление литературных портретов предшественников и современников превратилось в основной вид деятельности, Мериме эпизодически занимался обзорами недавно вышедших публикаций, в том числе переводов. К произведениям своих современни-

ков и прежде всего соотечественников он относился достаточно скептически, отзываясь о них главным образом в личной переписке, где жесткой и зачастую несправедливой критике подвергал самых известных своих современников: Шатобриана, Гюго, Ламартина, Бальзака и Флобера [Léon, 1962, p. 397].

Неправдоподобие сюжетных катаклизмов, мелодраматичность, длинноты в портретных и пейзажных описаниях, напыщенный слог сочинений романтиков, как, впрочем, и крупные эпические формы произведений реалистов с характерной для них детализацией, были для Мериме неприемлемы. Так, в письме к своей корреспондентке, госпоже Монтихо, от 3 июня 1862 года он довольно резко отзывается об одном из самых известных романов Гюго: «Прочел первые шесть томов “Отверженных”. Нахожу их весьма заурыдными. Это будто писано в 1825 году, когда мы были романтиками и упражнялись в истязании французского языка, употребляя иностранные слова. Сегодня такой стиль никого не удивляет, он наводит смертельную тоску» [Цит. по: Фрестье, 1987, с. 222—223]. Столь же безапелляционно звучат и его отзывы в отношении произведений Бальзака и Флобера. Первого он упрекал в «лжереализме» [Morel, 1988, p. 274], второго — в том, что «его талант уходит в реализм» [Мериме, 1963, т. 6, с. 170].

Размышляя над категоричностью высказываний Мериме в адрес собратьев по перу, французский литературовед П. Леон справедливо полагает: писатель исходит из своего литературного кредо, диссонирующего со всеми основными эстетическими системами французской литературы XIX столетия; его невозможно отнести к какой-либо школе, ни к романтизму, ни к классицизму, ни к натурализму, ни к идеализму; преувеличение претит упорядоченному уму Мериме, устремленному к изяществу и совершенству [Léon, 1962, p. 397].

Несправедливость суждений о современниках Леон связывает не только с расхождением в представлении о стиле, но и с личностным отношением к ним Мериме. Мегаломания Шатобриана, Гюго и Ламартина вызывала у него неприязнь, не позволяя признать значительность их сочинений. Человеческие качества становились для него зачастую важнее поэтического достоинства. Воздать должное он мог только произведениям сочинителей близких ему по стилистике и / или тем, кому благоволил, как, например, в случае с поэтом Беранже и драматургом Э. Ожье [Léon, 1962, p. 390—391; Мериме, 1963, т. 6, с. 171—172].

Созвучие своей поэтике, сочетавшей сдержанность классического стиля писателей Античности и присущий романтикам интерес к историческим смутам и пассионарным натурам, он обнаружил в творчестве А. С. Пушкина. После издания перевода «Пиковой дамы» (1849) Мериме

собирается написать статью о русском поэте, о чем свидетельствует его переписка 1849 года с госпожой Лагрене, Соболевским и издателем Шарпантье [Мериме, 1963, т. 6, с. 87, 93—97]. Однако к этому замыслу он вернется почти через 20 лет, в 1868 году, незадолго до своей смерти, а серию работ о русских литераторах начнет с очерка «Николай Гоголь».

3. Причины обращения Мериме к творчеству Н. В. Гоголя

К началу 1850-х годов, после смерти Пушкина и Лермонтова, Гоголь был не только самым значительным, но и самым оригинальным русским писателем, воплотившим национальную самобытность русского характера и уклада. Именно Гоголь, согласно известному утверждению В. Г. Белинского, отличался «резким типом национальности», которой недоставало лучшим произведениям Пушкина и Лермонтова даже в превосходных переводах на иностранные языки. «Как живописец преимущественно житейского быта прозаической действительности, он, — по мнению критика, — не может не иметь для иностранцев полного интереса национальной оригинальности по самому содержанию своих произведений» [Белинский, 1845, с. 115—116].

В связи с этим знакомство парижан с творчеством Гоголя становится приоритетной задачей образованных русских путешественников, эмигрантов и состоящих при русском посольстве во Франции агентов Третьего отделения, радеющих о преодолении мифа о России как стране северных варваров, неспособных создать своей литературы [Гончарова, 2016]. Сообщения о творчестве русского писателя, как справедливо отметил А. М. Завгородний [Завгородний, 2016, с. 27—28], появились во Франции задолго до издания переводов.

Впервые о произведениях Гоголя упомянул Ф. В. Булгарин в статье «О состоянии современной русской литературы», опубликованной в парижском журнале «Revue du Nord» от 1 января 1837 года, где весьма критично отозвался о необычной стилистике автора «Миргорода», не называя его имени [Bulgarine, 1837, p. 190].

О происхождении, первых сборниках («Миргород» и «Арабески»), комедиях и имени русского литератора французы узнали из статьи А. де Сиркура, опубликованной в журнале «Revue française et étrangère» в 1838 году [Circourt, 1838, p. 293—328]. В противовес Булгарину, Сиркур подчеркнул неотягощенную провинциализмами стилистическую простоту гоголевских произведений [Ibid., p. 317—318].

Затем последовали отзывы и других обозревателей парижских журналов: Ш. О. Сент-Бева [Sainte-Beuve, 1845, p. 883—889], Ш. Сент-Жюльена [Saint-Julien, 1847, p. 42—75], П. Дюпра [Duprat, 1847, p. 222]. К ним стоит присоединить и опубликованную анонимно в журнале «Illustration» статью

И. С. Тургенева [Illustration, 1845, p. 330], в которой автор «Ревизора» и «Мертвых душ» был объявлен не только популярным и влиятельным писателем России того времени, но и самым самобытным: «Гоголь никому не подражал, достоинства и недостатки, все принадлежит только ему» [Цит. по: Ланской, 1964, с. 279].

Однако настоящую известность во Франции Гоголь получил благодаря Л. Виардо, выпустившему в своем переводе сборник «Русские повести» (1845), куда были включены «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», «Вий», «Записки сумасшедшего», «Коляска». На этот перевод доброжелательным отзывом в «Revue des Deux Mondes» того же года откликнулся Ш. О. Сент-Бев. Исходя из анализа повести «Тарас Бульба», он видел самобытность русского народа в способности воспрянуть духом от крика победоносного «ура» предводителей и одолеть сильного противника [Sainte-Beuve, 1845, p. 886].

Между тем о комедии «Ревизор» (1835) и романе «Мертвые души» (1842), самых значительных произведениях Гоголя, из-за отсутствия переводов было известно лишь по уже упомянутым публикациям парижской прессы. Причиной тому послужили политические катаклизмы: Февральская революция 1848 года, сменившая Июльскую монархию (1830—1848) установлением режима Второй республики (1848—1852), — которые неизбежно оттеснили на время литературные интересы.

Мериме, склоняющемуся с годами к консерватизму, довелось наблюдать кровавые июньские события 1848 года, которые последовали за достаточно мирным развитием Февральской революции, в результате чего он окончательно разуверился в былых идеалах либерализма. Так, описывая охваченный беспорядками Париж своей корреспондентке, графине Монтихо, он с горестью отметил: «Будет ли когда-нибудь возможно добиться чего-нибудь путного от народа, для коего день мятежа — праздник, народа, всегда готового убивать и идти на смерть ради слова, лишённого смысла? <...> Никогда еще я не видел города, где царила бы большая растерянность, чем в Париже. Даже вторжение казаков оставило бы здесь менее ужасные следы» [Цит. по: Фрестье, 1987 с. 147].

В период 1848—1852 годов Россия с ее устойчивой политической системой начинает приобретать определенную привлекательность в глазах Мериме. Начиная с 1849 года он буквально эмигрирует в Россию: берет регулярные уроки русского у Варвары Лагрене-Дубенской, сближается с легитимистом Адольфом де Сиркуром, женатым на Анастасии Хлюстиной, старательно изучает российскую историю Смутного времени, переводит Пушкина. Этого оказалось достаточно, чтобы Франсуа Бюло, издатель авторитетного парижского литературно-политического журнала «Revue des

Deux Mondes», в котором Мериме регулярно публиковал свои повести и исторические эссе, поручил ему статью о Гоголе.

Увлечение русским языком и литературой, в том числе творчеством Н. В. Гоголя, возникло у Мериме уже в конце 1820-х годов, в значительной степени благодаря общению с русским эрудитом, собирателем редких книг и путешественником С. А. Соболевским (1803—1870), с которым Мериме связывали крепкие дружеские отношения. В письме к графине Монтихо, прося о содействии в знакомстве Соболевского с испанскими библиофилами, он рекомендует его как своего настоящего друга: «... дорогая графиня, я знаю, как Вы добры к моим друзьям, а тот, кого я направляю к Вам, мой настоящий друг» [Мериме, 1963, т. 6, с. 86]. Состоявший в дружеских отношениях с Пушкиным и Гоголем, Соболевский стремился сделать их известными во Франции через посредство Мериме. Именно он, по утверждению А. К. Виноградова, впервые знакомит французского писателя с текстами «Ревизора» и «Мертвых душ» [Виноградов, 1928, с. 54—55]. В 1844 году Соболевский берет у издателя Погожева комедию «Ревизор», перечитывает ее вместе с Мериме и, как предполагает Виноградов, дает последнему уроки русского языка и литературы [Там же, с. 70, 118]. А в 1848 году, оказавшись инкогнито в охваченном революцией Париже, дарит Мериме экземпляр «Мертвых душ» и сообщает о своей встрече с Гоголем, состоявшейся годом ранее в Неаполе [Там же, с. 118]. Можно было бы предположить, что под влиянием бесед с Соболевским, который был близок с Гоголем и, скорее всего, рассказал Мериме о значении творчества русского литератора для становления и развития национальной словесности России, его отзыв об авторе «Ревизора» и «Мертвых душ» окажется доброжелательным. Но, к сожалению, это оказалось не так.

4. Сопоставительный анализ очерка Мериме «Николай Гоголь» и отзывов франкоязычных журналистов 1840-х годов о русском писателе

Очерк Мериме «Николай Гоголь» отражает противоречивое отношение его автора к предмету исследования. С одной стороны, в нем прослеживается слабая интенция привлечь внимание к особенностям таланта русского писателя: наблюдательности, мастерскому изображению нравов, умению нарисовать несколько различных сцен, варьируя одну и ту же ситуацию, созданию разновидности фантастического жанра — «фантастики казаков»; с другой — нарочито подчеркивается отсутствие оригинальности и подражательность европейским образцам.

Мериме заявляет даже о неумении Гоголя передать национальное своеобразие русского характера: «Если судить о России, святой Руси, как ее

называют, по картинам, нарисованным Гоголем, то создается ужасное впечатление. Он показывает нам либо дураков, либо предлагает любоваться негодяями, заслуживающими лишь петлю» [Мериме, 2003, с. 13]. Своей категоричностью это утверждение рознится с отзывами франкоязычных журналистов 1840-х годов, обходивших стороной вопрос о национальной самобытности автора «Мертвых душ», и в особенности со статьями Тургенева и Сент-Бева, в которых говорилось об умении Гоголя передать национальный дух России [Illustration, 1845, p. 330; Sainte-Beuve, 1845, p. 886].

При сопоставлении очерка Мериме с посвященными Гоголю литературными обзорами 1840-х годов обнаруживается, что он поддерживает общее мнение о наблюдательности русского литератора и правдивом воспроизведении им действительности. Вслед за П. Дюпра [Duprat, 1847, p. 222] и Ш. Сент-Жюльеном [Saint-Julien, 1847, p. 75], основную черту гоголевского таланта он усматривает в иронии и сатире [Мериме, 2003, с. 11], как и последний [Saint-Julien, 1847, p. 75], в героях «Мертвых душ» видит мошенников [Мериме, 2003, с. 19—20].

Относительно некоторых недостатков, обозначенных в отзывах его предшественников, Мериме также высказывает сходные суждения. Как и Сиркур [Circourt, 1838, p. 317], указывает на неуместность обращения к теме безумия в очерке «Записки сумасшедшего» [Мериме, 2003, ст. 16]. Подобно Булгарину, отметившему «бальзакизм» Гоголя [Bulgarine, 1837, p. 190], говорит о подражании русского писателя Бальзаку, которое находит не только в присущем автору «Человеческой комедии» детальном описании быта, портретов, обычаев и нравов, но и в обращении к теме провинциальной жизни: «Г-н Гоголь обычно выбирает своих героев в провинции, подражая в этом Бальзаку, произведения которого, возможно, оказали некоторое влияние на его талант» [Мериме, 2003, с. 13, 16].

Привлекательность этой темы для Гоголя Мериме поясняет стремлением русского писателя обнаружить типы деревенских помещиков и неподражаемые черты национального характера: «Вдали от больших городов, в средних классах ищите теперь национальные черты и оригинальность нравов! В провинции есть еще наивные предрассудки и привычки, но день ото дня их становится все меньше и меньше. Излюбленные г-ном Гоголем типы — это деревенские помещики, которые <...> много едят, мало читают и ни о чем не думают» [Там же, с. 13]. Так, согласно логике Мериме, выходило, что изображением русского характера Гоголь обязан Бальзаку. При этом Бальзак не был единственным образцом, которому, по мнению Мериме, следовал Гоголь. Говоря о становлении творческого таланта русского писателя, он упомянул также имена Рабле, Стерна, В. Скотта, Шамиссо и Гофмана. Между тем, по глубокому убеждению Мериме, Гоголь подражал пре-

жде всего Бальзаку, что подтверждается его письмом от 20 апреля 1859 года к переводчику Э. Шарьеру. Так, отвечая на просьбу в составлении отзыва на сделанный тем перевод «Мертвых душ», Мериме признается: «Я не люблю Гоголя, который представляется мне подражателем Бальзака и имеет склонность ко всему безобразному» [Цит по: Алексеев, 1936, с. 258—259].

В целом критическая составляющая статьи Мериме оказывается преобладающей, контрастируя с нейтральными в отношении автора «Ревизора» и «Мертвых душ» обзорами парижских журналистов, и прежде всего отзывами Сент-Бева и Тургенева.

5. Предубеждения Мериме в отношении Гоголя

Одна из причин предвзятых суждений Мериме о Гоголе кроется в упомянутом выше отзыве Сент-Бева на перевод Л. Виардо. Ссылаясь на мнение русских знакомых, критик указал на сходство в обрисовке характеров у Гоголя и Мериме [Sainte-Beuve, 1845, p. 884—885], после чего приступил к подробному пересказу повести «Тарас Бульба», в котором изобиливали «жестокие и дикие сцены» (*les scenes dures et sauvages*) военных походов запорожских казаков [Sainte-Beuve, 1845, p. 886—889].

Мериме, конечно же, был знаком с этой изданной в ноябрьском номере 1845 года «*Revue des Deux Mondes*» статьей Сент-Бева, вышедшей следом за октябрьским номером данного журнала, где была опубликована «Кармен». Судя по отзывам Сент-Бева и Планша на сборник произведений Мериме 1852 года [Planche, 1854, p. 1213—1215; Sainte-Beuve, 1853, p. 455], куда наряду с очерком «Николай Гоголь» вошли и его новеллы середины 1840-х годов, светская публика была шокирована необузданным характером и аморальным поведением испанской цыганки Кармен, героини одноименной повести. Сравнение с Гоголем становилось очередным аргументом в пользу его репутации безнравственного человека и писателя, героями которого оказываются маргиналы, а сюжетами — списанные с натуры жестокие события с трагическим, зачастую кровавым финалом [Ibid.]. В этой связи Мериме был вынужден в своем очерке оправдываться в пристрастии к изображению жестоких нравов, подобных запорожцам: «Я лично причисляю себя к тем, кто питает пристрастие к подобным людям; не то чтобы я любил встречаться с ними на дороге, но энергия этих людей, вступающих в борьбу с целым обществом, невольно вызывает во мне восхищение, хотя я его и стыжусь» [Мериме, 2003, с. 15].

Другой причиной предубеждения в отношении русского литератора было давление, оказанное влиятельной русской княгиней Дарьей Христовной Ливен (1785—1857), в просьбе которой не мог отказать не только Мериме, но и издатель Бюло и даже премьер-министр А. Тьер.

Проживая с 1840 года в Париже, княгиня Ливен, сестра шефа петербургских жандармов А. Х. Бенкендорфа, тайный агент русского правительства в европейских столицах, имела свой салон, посетителями которого были возглавлявший кабинет министров в годы Июльской монархии Ф. Гизо и сменивший его на этом посту с установлением режима Второй республики А. Тьер. Княгиня Ливен мечтала о сближении Франции и России [Черкасов, 2008, с. 175, 240], всячески содействуя повышению авторитета своей страны в глазах образованных парижан как беседами о российской культуре в своем салоне, так и заказами статей о русских литераторах.

В случае с публикацией очерка Мериме «Николай Гоголь», скорее всего, так и произошло, что находит подтверждение в переписке писателя. Так, в письме от 22 сентября 1851 года, адресованном В. Лагрене-Дубенской, Мериме упоминает имя княгини Ливен и выражает сожаление о своем некорректном поведении по отношению к ней и об обещании Бюло написать статью о Гоголе: «Видимо, я поступил очень неловко и глупо по отношению к соседке госпожи де Буань, но зачем писать поэтическим слогом ко мне, когда я ничего не смыслю в стихах? Кроме того, Гомер, который наделил море сотней с лишним эпитетов, <...> ни разу не вздумал назвать его именным. Правда это прилагательное как нельзя лучше подходит к княгине Ливен? <...> Знайте, что я закончил историю Димитрия и принимаюсь за писанину о Гоголе, которую имел неосторожность обещать Бюло» [Мериме, 1963, т. 6, с. 103—104].

Видимо, по совету г-жи де Буань, с которой Мериме был дружен, Ливен напрямую обратилась к нему с просьбой написать статью о Гоголе. Ему пришлось согласиться, что он сделал весьма неохотно. Последние строки вышеприведенного письма к В. Лагрене выражают плохо скрываемое раздражение, вызванное Ливен: «Прощайте, милостивая государыня, свидетельствую Вам мое нижайшее почтение и прошу напомнить обо мне Вашим милым соседям и соседкам. Это не относится к именитой соседке» [Там же, с. 104].

И наконец, пристрастное отношение Мериме к Гоголю вызвано диаметральной расхождением его эстетического аскетизма с художественной системой русского литератора. Детальное описание персонажей, интерьеров и предметов быта, постоянные отступления, размытость композиции гоголевских произведений казались Мериме избыточными, не вписывались в его эстетическую концепцию.

В широкой полифонии гоголевского смеха с его мягким юмором и печальной иронией он усматривал, главным образом, сатиру: «Будучи тонким, порой даже дотошным наблюдателем, умея подмечать и смело выставлять смешные стороны, склонный, однако, к преувеличениям, дохо-

дающим до шутовства, г-н Гоголь прежде всего яркий сатирик» [Мериме, 2003, с. 11].

Эти замечания вызвали недоумение русских журналистов А. А. Григорьева, А. В. Дружинина и И. И. Панаева, откликнувшихся на очерк Мериме статьями столичных российских журналов за 1851—1852 годы [Проспер Мериме ..., 2007, с. 105—116].

Между тем для Мериме с его приверженностью к «римскому», лишенному эмфазы, лаконичному стилю, созданному продуманностью в выборе деталей, акцентом на динамичном развитии действия, широким использованием диалогов и жестов, подобный взгляд вполне закономерен.

6. Преломление эстетической позиции и раскрытие художественных приемов Мериме в его рецепции творчества Гоголя

В толковании Мериме романа «Мертвые души» сквозит жанровое предпочтение, уже в 1820-х годах отданное драме, а также новелле, построенной на драматической технике. Отсюда его критичное отношение к детальным портретным описаниям гоголевских персонажей: «Кажется, что наяву видишь его действующих лиц, что жил среди них, ибо он знакомит нас с их причудами, привычками, малейшими жестами. Этот картавит, другой заикается, третий присвистывает, потому что у него выпал зуб. К сожалению, поглощенный тщательным изучением подробностей, г-н Гоголь слишком пренебрегает их связью со всей последовательностью действия» [Мериме, 2003, с. 11—12].

В 1850-х годах, как и в начале творческого пути, когда были созданы не предназначенные к постановке пьесы «Театр Клары Гасуль» (1825), книжные драмы «Жакерия» (1828) и «Семья Карвахаль» (1828), Мериме находит все большую привлекательность в драмах для чтения. Об этом свидетельствуют написанные в период его работы над статьей «Николай Гоголь» драмы «Двойное наследство, или Дон Кихот» (1850) и «Первые шаги авантюриста» (1852). Несмотря на объем, созданный большим количеством действий, подразделенных на многочисленные сцены, эти пьесы отличаются тщательно продуманным композиционным рисунком, исключая отступления от заданной сюжетом темы.

Родовая особенность драмы с ее заостренностью на привлечение широкого зрителя, а соответственно, и на обращение к занимательным, необычным и странным сюжетам имела приоритетное значение в эстетической системе Мериме. Специфика этих сюжетов, на его взгляд, не только допускала, но и требовала включения описаний, как, например, в «фантастической сказке» Гоголя «Вий»: «Основательно зная поэтику подобного жанра, автор описывает со своей обычной тщательностью и верностью ди-

кие и странные казачьи нравы прошлых времен и тем самым очень умело подготавливает появление чертовщины» [Там же, с. 15].

Размышляя над своеобразием «фантастики казаков», Мериме отчасти раскрывает секреты своего мастерства в создании фантастического жанра: «Известен рецепт хорошей фантастической сказки: начните с точных портретов каких-нибудь странных, но реальных личностей и придайте им черты самого мелочного правдоподобия. Переход от странного к чудесному почти незаметен, и читатель таким образом окажется в области фантастики раньше, чем успеет заметить, что покинул действительный мир» [Там же, с. 15—16]. Необычному явлению в его фантастических новеллах («Видение Карла XI», 1829; «Души чистилища», 1834; «Венера Ильская», 1837) всегда предшествуют портретные зарисовки действующих лиц, исторических деятелей и вымышленных персонажей, а также детальное изображение места происшествия, благодаря чему сверхъестественное, воспринятое неотъемлемой частью достоверно переданного повествования, поражает воображение.

Если же сюжет лишен фантастического элемента, то и обстоятельные описания, из-за которых замедляется развитие действия и увеличивается объем, в представлении Мериме, неоправданны: «Ценность словесной техники — несомненное достоинство, особенно если оно подчинено основному в произведении. Если же это достоинство расплывается по мелочам, то произведение становится монотонным» [Там же, с. 13].

Свой единственный роман «Хроники царствования Карла IX» он написал в 1829 году и больше к этому жанру не возвращался, а к творчеству своих современников-романистов, как было отмечено выше, относился весьма скептически. Неизбежные для романного жанра длинноты, вызванные целостным воспроизведением жизни и усложненной интригой, для Мериме неприемлемы.

Так, обвиняя Гоголя в присущем произведениям Бальзака дагерротипном, фотографически точном, изображении социальных изъянов, Мериме дистанцируется от реалистичного подхода: «Он не видит прекрасное ни в вещах, ни в людях — и не потому, что он плохой наблюдатель, но потому, что он предпочитает уродливые и печальные явления. Несомненно, что и то и другое часто встречается в природе и в жизни, именно вследствие этого не следовало бы устремляться в поисках за ним с таким ненасытным любопытством» [Там же].

Отстраняется он от мелодраматизма и запутанности изложения, свойственного романтическому направлению. Это находит отражение в его критической оценке организации событийного ряда в повести «Тарас Бульба»: «Картины нравов включены в столь тривиальную и романтиче-

скую фавбулу, что жалеешь, что г-н Гоголь не нашел им лучшего употребления: самая прозаическая история была бы уместнее этих мелодраматических сцен, перемежающихся с мрачными событиями вроде голода, пыток и т. д.» [Мериме, 2003, с. 15].

В оценке гоголевских персонажей также проявляется взгляд Мериме-драматурга, выразившийся, в частности, в его приверженности к традиционному соотносению героических, необычных, сильных и цельных личностей, которых все реже встречаешь в современном обществе, к высокому жанру исторической трагедии и эпопеи. Так, запорожские казаки повести «Тарас Бульба», живо и точно изображенные Гоголем, вызвали одобрение французского писателя: «Г-н Гоголь дал яркие портреты запорожцев, которые нравятся своей необычностью» [Там же]. Не случайно самозванец исторической драмы Мериме «Первые шаги авантюриста», согласно его версии, был украинским казаком. К теме казачества писатель обратится и в своем историческом эссе «Украинские казаки и их последние атаманы» (1854).

Необычность, беспощадность и отвага запорожцев импонировали Мериме, соответствуя характеристикам героев его произведений, которые либо противостоят обществу («Жакерия», «Матео Фальконе», «Коломба», «Кармен», «Первые шаги авантюриста»), либо эпатажируют его («Этрусская ваза», «Души чистилища», «Двойная ошибка»).

При этом включение обывателя как персонажа низкого комедийного жанра в литературный текст допустимо для Мериме лишь в пародийном ключе, что со всей очевидностью проявляется в сатирической манере изображения провинциального семейства Пейрорадов («Венера Ильская») и столичных дельцов («Двойное наследство, или Дон Кихот»). Вероятно, поэтому сцены из жизни уездных помещиков «Ревизора» и «Мертвых душ» он осознает как сатиру, а в Гоголе видит сатирика.

Исходя из законов построения драмы, Мериме рассуждает о композиции гоголевских произведений, правдоподобие которой решительно отказывается признавать: «Собственно говоря, в его произведениях нет плана и — что особенно странно для писателя, стремящегося к естественности, — он нисколько не заботится о правдоподобии общей композиции. Тонко написанные сцены плохо связаны друг с другом. Они заканчиваются и начинаются без всякой подготовки; крайняя беспечность автора в отношении композиции намеренно разрушает иллюзию жизненности, созданную правдивостью описаний и естественностью диалогов» [Мериме, 2003, с. 12]. Включение длительных описаний в произведения, не отличающиеся сюжетной занимательностью, по мнению Мериме, не только затрудняло их структурную организацию, прерывая повествование, искусно сотканное сценическими эпизодами, но и было лишено художественной привлекательности.

Ориентируясь на игровую концепцию искусства, свойственную прежде всего драматургии как литературному роду, Мериме в своих лучших произведениях стремился подчеркнуть условность достоверно переданных событий. И если в пьесах «Театр Клары Гасуль» он прибегнул к обращению актеров к зрителям в конце представления, то в своей самой известной повести «Кармен» — к рамковому построению.

Как известно, первая глава повести, с объемной ландшафтной зарисовкой битвы Цезаря при Мунде, и четвертая, с экскурсом в историю языка цыган, рассказом об их происхождении и этнических особенностях, не связаны напрямую с основной сюжетной линией. Обрамляя историю трагической любви Хосе и Кармен, они заметно отягощают композицию новеллы, превращая ее в повесть. Намеренным введением рамы Мериме разрушает иллюзию правдоподобия, подчеркивая условность изображаемого.

Этот прием получил высокую оценку Сент-Бева и Планша, самых авторитетных парижских критиков середины XIX века. Так, анализируя творческую манеру Мериме, Сент-Бев обратил внимание на безупречную художественность его произведений, выраженную в отказе от копирования действительности отделением вымысла от реальности благодаря введению рамкового оформления в повести «Кармен» [Sainte-Beuve, 1853, p. 455].

Сходное суждение обнаруживается и в статье Планша, который указывает на то, что Мериме всегда исходит из реальности, но никогда не считает ее последним словом в искусстве. Изучая действительность и размышляя над ней, Мериме, по убеждению Планша, переделывает и обновляет ее с помощью фантазии и творческого воображения [Planche, 1854, p. 1210].

Соответственно, как и в начале творческого пути, в 1840—1850-х годах Мериме остается сторонником драматической техники с обязательным динамичным развитием действия и игровой концепции искусства, согласно которой «списанное с натуры» тесно сочетается с фантазией, творческим воображением художника. Высказываясь об особенностях таланта Гоголя, писатель исходил из своего оригинального видения литературы, не совпадающего в чистом виде ни с романтизмом, ни с реализмом.

7. Заключение

Итак, проведенный анализ показывает: предвзятость Мериме в отношении творчества Гоголя заметно контрастирует с мнением французских журналистов сороковых годов XIX века. Эта предвзятость обусловлена сложившимися обстоятельствами, личностными особенностями французского писателя и своеобразием его поэтической позиции.

Прежде всего, она связана с нежелательным для него резонансом статьи Сент-Бева, в которой «дикие» нравы запорожцев из повести «Тарас

Бульба» сравнивались со многими героями Мериме, представляющими собой героический тип разбойников-маргиналов, в пристрастии к которому автору «Кармен» пришлось со стыдом признаваться в своем эссе о Гоголе. Немалое значение здесь, как представляется, имело и давление, оказанное на Мериме влиятельной княгиней Ливен, настоявшей на издании статьи о Гоголе в то время, когда тот работал над переводами Пушкина. У Мериме с его независимым характером, присущим и героям его светских и «экзотических» новелл, вынужденное оправдание и подчинение чужой воле неизбежно вызвали раздражение.

Свою роль в неумении оценить своеобразие гоголевского дарования сыграло и диаметрально расхождение в понимании сути словесного искусства у Мериме, сторонника стилистической сдержанности, и у Гоголя с его красочной палитрой живописца жизненной бытийности. Многочисленные критические замечания, связанные с неудачным выбором детали в описании персонажей, составлением плана и созданием композиционного правдоподобия, вызваны тем, что Мериме, по меткому выражению А. В. Дружинина, мерил Гоголя на свой аршин [Цит по: Проспер Мериме ..., 2007, с. 116].

Впрочем, откровенная оценочная субъективность отнюдь не умаляет значения очерка в общем контексте творчества французского писателя. Литературно-критическое эссе «Николай Гоголь» представляет несомненный интерес в качестве комментария, в котором обычно скрытый Мериме раскрывает оригинальность своей эстетической позиции и обусловленные ею художественные приемы новеллистического жанра, заостренные на драматическую технику и игровую направленность драматургии как литературного рода.

Источники

1. *Мериме П.* Собрание сочинений в 6 т. / П. Мериме. — Москва : Правда, 1963. — Т. 6. — 387 с.
2. *Мериме П.* Статьи о русской литературе / П. Мериме. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — 112 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев М. П.* Н. В. Гоголь. Материалы и исследования / М. П. Алексеев. — Москва-Ленинград : АН СССР, 1936. — Т. 2. — С. 257—266.
2. *Белинский В. Г.* Перевод произведений Гоголя на французский язык / В. Г. Белинский // Отечественные записки. — 1845. — Т. XLIII. — № 12. — Отд. VIII «Смесь». — С. 115—116.
3. *Виноградов А. К.* Мериме в письмах к Соболевскому / А. К. Виноградов. — Москва : Московское художественное изд-во, 1928. — 273 с.
4. *Гончарова Т. Н.* Русская литература в восприятии французских писателей и публицистов (1814—1848) [Электронный ресурс] / Т. Н. Гончарова. — Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26301309> (дата обращения 21.11.2020).

5. *Завгородний А. М.* Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» во французской критической рецепции 1840—1880 гг. / А. М. Завгородний // Филологические науки. Вопросы теории и практики : сборник научных трудов. — Тамбов : Грамота, 2016. — № 8 (62) : в 2-х ч. — Ч. 1. — С. 26—34.

6. *Ланской Л. Р.* Статья о русской литературе / Л. Р. Ланской // Литературное наследство / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1964. — Т. 73. — Книга 1. — С. 271—287.

7. *Мацапура В. И.* П. Мериме как реципиент и интерпретатор Н. Гоголя / В. И. Мацапура // Філологічні науки : сборник научных трудов. — 2016. — № 24. — С. 3—11.

8. *Михайлов А. Д.* Проспер Мериме и русская литература / А. Д. Михайлов // Проспер Мериме. Статьи о русской литературе. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — С. 3—10.

9. *Проспер Мериме* в русской литературе. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 399 с. — ISBN 5-8243-0767-9.

10. *Саррина М. Я.* К вопросу о восприятии Гоголя в России и во Франции : (И. Тургенев. — П. Мериме. — А. Григорьев) / М. Я. Саррина // И. С. Тургенев : вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России : материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения и 125-летию со дня смерти писателя [17—26 сентября 2008, Санкт-Петербург — Орел — Москва]. — Выпуск 2 : И. С. Тургенев : вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. — Орел : [б. и.], 2008. — С. 67—69.

11. *Фрестье Ж.* Проспер Мериме / Ж. Фрестье. — Москва : Радуга, 1987. — 314 с.

12. *Черкасов П. П.* Русский агент во Франции / П. П. Черкасов. — Москва : Т-во науч. изд. КМК, 2008. — 455 с. — ISBN 978-5-87317-445-4.

13. *Autin J.* Prosper Mérimée. Ecrivain, archéologue, homme politique / J. Autin. — Paris : Librairie Académique Perrin, 1983. — 351 p.

14. *Bulgarine Th.* Esprit actuel de la littérature russe / Th. Bulgarine // La revue du Nord. — 1837. — № 1. — Pp. 181—191.

15. *Circourt A.* Analyse d'ouvrages choisis / A. Circourt // Revue française et étrangère. — 1838. — Tome. YI, № 1. — Pp. 293—318.

16. *Duprat P.* Inventaire des principales publications dans les différentes langues de l'Europe / P. Duprat // La revue indépendante avec le bulletin bibliographique. — 1847. — Série 2, Volume 8. — P. 222.

17. Illustration. — 19 juillet 1845. — Tome. YI. — P. 330.

18. *Léon P.* Mérimée et son temps / P. Léon. — Paris : Presses universitaires de France, 1962. — 486 p.

19. *Morel E.* Prosper Mérimée. L'amour des pierres / E. Morel. — Paris : Hachette, 1988. — 414 p.

20. *Planche G.* Ecrivains modernes de la France. Prosper Mérimée / G. Planche // Revue des Deux Mondes. — 1854. — Série 2, Tome 7. — Pp. 1207—1215.

21. *Sainte-Beuve Ch.-Aug.* Nouvelles russes de M. Nicolas Gogol / Ch.-Aug. Sainte-Beuve // Revue des Deux Mondes. — Octobre-novembre 1845. — Pp. 875—890.

22. *Sainte-Beuve Ch.-Aug.* Les oeuvres de M. Prosper Mérimée / Ch.-Aug. Sainte-Beuve // Le moniteur universel. — 7 février 1853. — P. 455.

23. *Saint-Julien Ch.* Pouchkine et le mouvement littéraire en Russie depuis quarante ans / Ch. Saint-Julien // Revue des Deux Mondes. — 1847. — Tome 20. — Pp. 42—75.

MATERIAL RESOURCES

- Merime, P. (1963). *Collected works in 6 t., 6*. Moscow: Truth. 387 p. (In Russ.).
- Merime, P. (2003). *Articles about Russian literature*. Moscow: IMLI RAS. 112 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Alekseev, M. P. (1936). *N. V. Gogol. Materials and research, 2*. Moscow-Leningrad: AN SSSR. 257—266. (In Russ.).
- Autin, J. (1983). *Prosper Mérimée. Ecrivain, archéologue, homme politique*. Paris: Librairie Académique Perrin. 351 p. (In French).
- Belinsky, V. G. (1845). Translation of Gogol's works into French. *Domestic notes, XLIII (12) / VIII. "Mixture"*: 115—116. (In Russ.).
- Bulgarine, Th. (1837). Esprit actuel de la littérature russe. *La revue du Nord, 1*: 181—191. (In French).
- Cherkasov, P. P. (2008). *Russian agent in France*. Moscow: KMK. 455 p. ISBN 978-5-87317-445-4. (In Russ.).
- Circourt, A. (1838). Analyse d'ouvrages choisis. *Revue française et étrangère, YI (1)*: 293—318. (In French).
- Duprat, P. (1847). Inventaire des principales publications dans les différentes langues de l'Europe. *La revue indépendante avec le bulletin bibliographique, 2 (8)*: 222. (In French).
- Fretier, J. (1987). *Prosper Merimet*. Moscow: Rainbow. 314 p. (In Russ.).
- Goncharova, T. N. *Russian literature in the perception of French writers and publicists (1814—1848)*. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26301309> (accessed 21.11.2020). (In Russ.).
- Illustration, YI*. (1845). 19 juillet. P. 330. (In French).
- Lanskoy, L. R. (1964). Article about Russian literature. In: *Literary heritage / AN SSSR. Gorky Institute of World Literature, 73 (1)*. Moscow: The science. 271—287. (In Russ.).
- Léon, P. (1962). *Mérimée et son temps*. Paris: Presses universitaires de France. 486 p. (In French).
- Matsapura, V. I. (2016). P. Merime as a recipient and interpreter of N. Gogol. *Philological sciences: collection of scientific works, 24*: 3—11. (In Russ.).
- Mikhailov, A. D. (2003). Prosper Merime and Russian literature. In: *Prosper Merime. Articles about Russian literature*. Moscow: IMLI RAS. 3—10. (In Russ.).
- Morel, E. (1988). *Prosper Mérimée. L'amour des pierres*. Paris: Hachette. 414 p. (In French).
- Planche, G. (1854). Ecrivains modernes de la France. Prosper Mérimée. *Revue des Deux Mondes, 2 (7)*: 1207—1215. (In French).
- Prosper Merime in Russian literature*. (2007). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 399 p. ISBN 5-8243-0767-9. (In Russ.).
- Sainte-Beuve, Ch.-Aug. (1845). Nouvelles russes de M.Nicolas Gogol. *Revue des Deux Mondes. Octobre-novembre*: 875—890. (In French).
- Sainte-Beuve, Ch.-Aug. (1853). Les oeuvres de M. Prosper Mérimée. *Le moniteur universel. 7 février*: 455. (In French).
- Saint-Julien, Ch. (1847). Pouchkine et le mouvement littéraire en Russie depuis quarante ans. *Revue des Deux Mondes, 20*: 42—75. (In French).
- Sarrina, M. Ya. (2008). To the question of the perception of Gogol in Russia and in France: (I. Turgenev — P. Merime — A. Grigoriev). In: *I. S. Turgenev: yesterday, today,*

tomorrow. Classical Heritage in a Changing Russia: proceedings of the international scientific conference dedicated to the 190th anniversary of the writer's birth and the 125th anniversary of his death. Orel: [b. i.]. 67—69. (In Russ.).

Vinogradov, A. K. (1928). *Merime in letters to Sobolevsky*. Moscow: Moscow Art Publishing House. 273 p. (In Russ.).

Zavgorodny, A. M. (2016). N. V. Gogol's poem "Dead Souls" in the French critical reception of 1840—1880. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 8 (62) / 1: 26—34. (In Russ.).